

Глава 26. Уезд Синьфэн

Чжэн Циньинь хлопотал на кухне, присматривая за огнём. Он наполнял чайники кипятком, пока снаружи не смолкали голоса односельчан. Юноша понимал, что люди разойдутся ещё не скоро: отец Чжэна и Фулан Чжэн, опьянённые радостью, увлечённо беседовали с гостями.

В душе юноша искренне радовался за второго брата, но после встречи с Хэ Тянем его настроение омрачилось тревогой.

Чжэн Циньиню в этом году исполнилось четырнадцать. Родители пока не подыскивали ему пару, решив дождаться вестей от Чжэн Шаньцы из столицы. Они втайне надеялись, что благодаря успехам брата младший сын сможет войти в хорошую семью.

Сам он мало помышлял о браке, пока Шаньцы не стал цзиньши. С тех пор Хэ Тянь всё чаще позволял себе двусмысленные намёки и переходил границы дозволенного, чем пугал Чжэн Циньиня до смерти. Хэ Тянь пользовался в округе безупречной репутацией, а юноша был слишком робок, чтобы пожаловаться отцу или папе.

Сегодняшняя выходка Хэ Тяня и вовсе лишила его покоя. Юноша чувствовал, как в сердце закрадывается холодный ужас, и не знал, что делать.

В этот момент Хэ Тянь, мягко ступая, вошёл в кухню. Увидев застывшего у плиты Чжэн Циньиня, он заговорил вкрадчивым, обволакивающим голосом:

— Циньинь, отчего ты такой потерянный?

Тот вздрогнул всем телом. Прикусив губу, он с трудом выдавил:

— Всего нет... Я просто слежу за огнём. Брат Хэ, вы гость, вам не стоит заходить сюда, на кухню.

— Циньинь, теперь, когда твой второй брат стал начальником уезда, ты стал гэ'эром из семьи чиновника. Неужто ты и впрямь изменишься? — Хэ Тянь сделал шаг вперёд, пытаясь поймать руку юноши.

Чжэн Циньинь поспешно отпрянул:

— Что вы такое говорите, брат Хэ... Пойду-ка я принесу ещё семечек.

Его единственным желанием было сбежать.

— Чжэн Циньинь, посмотри на себя! — лицо Хэ Тяня внезапно исказилось, в глазах вспыхнул ядовитый огонёк. Он рванулся вперёд, стальной хваткой сжал запястье юноши, отбросив всякое притворство. — Ты мечтаешь о богатом доме, но сам даже грамоте не обучен!

Он придвинулся почти вплотную, обдавая Чжэн Циньиня холодным дыханием:

— Только я смогу принять тебя таким и любить. Посмотри на свои обноски — ты деревенщина, простая деревенщина! Даже городские гэ'эр красивее тебя. Если ты поедешь в уезд Синьфэн, то лишь опозоришь Чжэн Шаньцы. У него невестка из дома маркиза, она точно будет презирать тебя.

Юноша дрожал, не в силах вымолвить ни слова.

— Мир жесток, — продолжал шептать Хэ Тянь. — Стоит тебе выйти за порог деревни, как тебя обманят или унижат. Только здесь ты в безопасности. Повсюду рыщут разбойники и бродяги, куда ты собрался, глупый? Гэ'эр должен выйти замуж. Я добр к тебе, я не попрекаю тебя тем, что ты не умеешь ни писать, ни рисовать. Когда ты станешь моим супругом, я защищу тебя.

Он тихо, пугающе рассмеялся:

— Неужто ты не видишь, что лишь я желаю тебе добра? Зачем тебе ехать в Синьфэн на посмешище? Думаешь, Шаньцы правда хочет вас видеть? Вы для него — обуза. Выходи за меня, и тогда я сам отвезу тебя в Синьфэн. Только в моих руках ты найдёшь покой.

Вскоре вернулись Чжэн Шаньчэн и Гэ'эр Линь с мясом и вином. Фулан Чжэн позвал нескольких знакомых женщин и гэ'эров помочь с готовкой. Пока на кухне кипела работа, Шаньчэн развлекал гостей в саду. Праздник затянулся до самой полуночи.

Когда последние гости разошлись, Фулан Чжэн нахмурился.

«Где же Циньинь?» — подумал он.

Младший сын не помогал с ужином, да и после еды его нигде не было видно.

«Совсем от рук отбился», — проворчал он про себя.

Гэ'эр Линь, заметивший ещё за ужином подавленность деверя, заволновался:

— Папа, я пойду загляну к Циньиню.

— Сходи, сходи. Совсем этот ребёнок вырос, только характер стал невыносимо скрытным, — вздохнул Фулан Чжэн, собирая посуду.

Он протянул Шаньчэну связку монет:

— Завтра утром сходи на рынок. Совсем из головы вылетело купить всё нужное для поминовения предков.

— Хорошо, папа, — отозвался старший сын.

Пока на улице стояла тишина, Шаньчэн взялся за метлу, вычищая двор от мусора и скорлупы. Затем накормил птицу и запер курятник. Псы за деревней снова начали выть, их голоса разносились гулким эхом. Раньше Чжэн Шаньчэна это раздражало, но сегодня лай казался весёлой музыкой.

В этот вечер жители деревни ужинали в доме Чжэн, поэтому над крышами не вился дым; слышны были лишь детский смех да голоса взрослых.

— Повезло же семье Чжэн...

— Начальник уезда... Теперь придётся звать его Чиновник Чжэн...

Шаньчэн широко улыбнулся своим мыслям.

— Шаньчэн, чего радуешься как дурак? — окликнул его отец Чжэна. — Не видел, куда делась одна из мотыг?

Сын хлопнул себя по лбу:

— Ох, как услышал про письмо от Шаньцы, так и бросил её в поле. Совсем голову потерял.

— Вот же непутёвый! — беззлобно проворчал старик, затягиваясь трубкой. — Глаз да глаз за тобой нужен.

— Завтра утром заберу, — оправдывался Шаньчэн. — В деревне все свои, в такую темень никто чужое не возьмёт. Радость-то какая, отец!

Гэ'эр Линь постучал в дверь комнаты Циньиня:

— Цинъинь, можно войти?

— Одну минуту, невестка, — донёлся дрожащий голос.

Юноша торопливо утёр слёзы и взглянул в зеркало, пытаясь скрыть следы плача.

— Входи, — он отворил дверь.

Комната Чжэн Цинъиня была обставлена скромно: кровать да стол со стулом, оставшиеся ещё от Шаньцы. В углу стояла плетёная корзина с лоскутками ткани — в свободное время юноша любил вышивать мешочки и платки, которые Шаньчэн потом продавал в городе.

— Цинъинь, у тебя просто золотые руки, — Гэ'эр Линь с восхищением провёл пальцем по аккуратным стежкам.

Юноша смутился и похлопал по краю кровати:

— Садись, невестка. Я вот заметил, что у отца обувь совсем истрепалась. Решил сшить ему новые туфли на те деньги, что выручил с последней продажи.

Гэ'эр Линь присел рядом:

— Знаю, что ты у нас заботливый. Только не шей при свече, глаза испортишь.

— Хорошо, невестка.

Линь, который и сам любил принарядиться, всегда удивлялся скромности деверя. У Цинъиня было всего несколько смен платьев, а украшения он и вовсе не носил, экономя каждую монету. Пока Шаньцы учился, вся семья отказывала себе во всём ради его успеха.

— Ты сегодня сам не свой, — мягко сказал невестка. — Что-то случилось?

Юноша лишь покачал головой, не смея признаться:

— Ничего, невестка. Наверное, просто погода такая, тоскливо на душе.

— Цинъинь, тебе пора подумать о себе. Второй брат теперь большой человек, не нужно так экономить. Купи себе обновки, украшения. Все гэ'эр в деревне любят наряжаться, почему же ты вечно в тени?

От этих слов у Чжэн Цинъюня снова защипало в глазах.

— Невестка... ты тоже считаешь меня замухрышкой? — всхлипнул он.

Гэ'эр Линь испугался такой реакции и принялся утирать его слёзы:

— Да что ты! Как я могу так думать? Просто хочу, чтобы ты был счастлив. Ты ведь такой красавец, а в хорошем платье и вовсе глаз не оторвёшь.

Юноша немного успокоился, хотя плечи его всё ещё вздрагивали.

— Ты не обманываешь меня?

— Глупенький, зачем мне это? — рассмеялся Линь. — Я вот в своё время за твоего старшего брата пошёл только из-за его красивого лица. А посмотри на Шаньцы — думаешь, как он в столице в дом маркиза вошёл? Небось, тоже лицом своим смазливый путь проложил. Ты же их брат, разве может у тебя быть дурная внешность?

Цинъюнь наконец улыбнулся сквозь слёзы.

— Уж я-то знаю скверный нрав твоего второго брата, — продолжал Гэ'эр Линь. — Если бы не его лицо, разве бы гэ'эр из дома маркиза на него посмотрел?

Успокоив деверя, Гэ'эр Линь вернулся в свою комнату. Шаньчэн уже ждал его под одеялом.

Когда суэта дня улеглась, Линь, прижавшись к мужу, тихо спросил:

— Шаньцы зовёт нас всех в Синьфэн. Что ты об этом думаешь?

— А ты хочешь поехать?

— Конечно! Я ведь за всю жизнь дальше нашего уездного города не бывал, — глаза Линь азартно блеснули. — Мы ведь все только и ждали, когда Шаньцы добьётся успеха. Он теперь чиновник, ты — старший брат, должен же ты поздравить его лично.

Шаньчэн легонько щелкнул его по носу:

— Я подумаю. Нужно ещё узнать, что отец и папа об этом скажут.

— О себе не думаешь, так подумай о наших будущих детях! И о Циньине. Что его ждёт здесь, в деревне? Какого мужа он себе найдёт?

Шаньчэн призадумался. Аргументы супруга были весомыми.

— Посмотрим. Шаньцы только приехал в Синьфэн, ему ещё нужно укрепиться на месте. Если мы сейчас все нагрянем, не станем ли мы для него лишней заботой?

— Ох, вечно ты только о своём брате и печёшься! — беззлобно ворчал невестка, засыпая.

Тем временем Чжэн Шаньцы и Юй Ланьи, наскоро позавтракав на станции, покинули город. После ночного отдыха они поспешили продолжить путь, выехав гораздо раньше молодых господ Ян. Когда те проснулись, Шаньцы уже и след простыл.

Старина Чжоу лишь развёл руками:

— Уехали спозаранку.

Ян Эр и Ян Сань лишь досадно переглянулись — они так и не успели свести знакомство с таинственным чиновником. Чиновник Цзи, спустившись вниз и услышав их разговоры, тоже засомневался: неужто этот невзрачный начальник уезда и впрямь обладает такой силой, раз сами Ян о нём спрашивают?

«Кажется, я упустил блестящую возможность», — с горечью подумал он.

Юй Ланьи, несмотря на ранний час, всё ещё отчаянно хотел спать. В повозке он вяло пожевал булочку и тут же отложил её в сторону.

— Поспи ещё, — предложил Шаньцы, видя его состояние.

— Трясёт сильно, — проворчал Ланьи. — Никак места не найду.

Он перевёл взгляд на Шаньцы, и в его глазах блеснула хитринка.

— Я так устал... Можно, я положу голову тебе на колени? Вместо подушки.

Тот молча расправил полы своих одежд. Ланьи, ощутив прилив радости, осторожно устроился на его коленях. Шаньцы натянул одеяло, укрывая супруга от осенней прохлады, и снова взялся за книгу.

Ланьи лежал, глядя снизу вверх на чёткий профиль мужа. Тот был полностью поглощён чтением, лишь изредка переворачивая страницы. Под мерный стук колёс и тихий шелест бумаги юноша незаметно погрузился в сон.

Они проснулись только к полудню, когда повозка въехала в очередной уездный город. Обед в местном трактире пришёлся Юй Ланьи по вкусу. Чжэн Шаньцы заботливо подкладывал ему овощи:

— На улице холодает, нужно лучше питаться, чтобы не заболеть.

Тот, хоть и недолго любил зелень, послушно съел всё под пристальным взглядом мужа.

Для Юй Ланьи это путешествие превращалось в удивительное приключение. Каждый новый пейзаж — от плывущих облаков над горами до закатов, окрашивающих небо в багрянец — наполнял его восторгом. Он жалел лишь об одном: что в детстве не уделял должного внимания наукам и теперь не мог выразить свою радость в стихах.

— Шаньцы, а ты умеешь слагать стихи? — спросил он как-то вечером.

Тот смущённо покачал головой:

— Нет, стихи — это не моё.

Ланьи лишь фыркнул: «Тоже мне, цзиньши называется, даже пару строк связать не может».

К вечеру следующего дня они достигли небольшого городка, где не было почтовой станции, и им пришлось остановиться в обычном трактире. Хозяин, завидев богатых постояльцев, расплылся в подобострастной улыбке и лично проводил их в лучшие покои.

После ужина Ланьи снова потащил Шаньцы на рынок. В этом краю особенно почитали речного бога, и на прилавках можно было найти множество диковинных вещиц. Они зашли в чайную послушать рассказчика.

— Раньше, — юноша увлечённо щёлкал семечки, — мне приходилось брать с собой целую толпу слуг. Один Цзинь Юнь не считался за охрану. А с ними было так скучно! То ли дело сейчас: хочу — слушаю, хочу — семечки грызу, и никто не скажет, что это «неподобающе для молодого

господина».

Шаньцы лишь тихо рассмеялся.

Ланьи заворожённо слушал историю о речном владыке.

— Шаньцы, а ведь замужество — это, оказывается, очень весело, — внезапно прошептал он.

Супруг замер и внимательно посмотрел на него. Но Ланьи уже снова слушал рассказчика, который в этот момент с силой ударил по столу деревянным брусом, нагнетая напряжение. В чайной царила атмосфера уютного покоя, и Шаньцы, глядя на раздурманенного Ланьи, невольно улыбнулся.

Путь от столицы до Синьфэна занял больше двух месяцев. За это время они пересекли едва ли не шестую часть империи. Столичные сладости давно закончились, но Юй Ланьи с удовольствием пробовал местные лакомства в каждом городе.

Однажды в полдень, когда они только собрались перекусить, небо внезапно затянуло тучами, раздались раскаты грома, и хлынул ливень. Путникам пришлось укрыться в повозке.

— Ну и ливануло, — Ланьи вытирал намокшие волосы.

Шаньцы выглянул наружу: оставаться на открытом месте было опасно, к тому же их вещи могли промокнуть. Он послал Ван Фу на разведку.

— Господин, впереди есть заброшенный храм! — вскоре доложил тот.

Когда они вошли под своды старого здания, оказалось, что там уже грелась у костра группа людей. Те встретили пришельцев настороженными взглядами.

— Простите за беспокойство, — Шаньцы почтительно сложил руки. — Дождь совсем разошёлся, решили переждать здесь.

Возглавлявший группу мужчина средних лет, увидев вежливость гостя, немного расслабился:

— Проходите, места всем хватит. Мы тоже путники, непогода застала врасплох. Вы с...

— С супругом, — коротко ответил Шаньцы.

— Вот оно что. Присаживайтесь к огню, погрейтесь.

— Благодарим за доброту, но нас много, мы разведём свой костёр поодаль, чтобы не теснить вас.

Ван Фу и остальные слуги быстро навели порядок, притащили дров и развели огонь. Юй Лань протянул руки к пламени.

— Долго нам ещё до Синьфэна?

— Три дня, — успокоил его Шаньцы.

Долгая дорога вымотала юношу, он уже не искал новизны, мечтая лишь о покое и твёрдой крыше над головой. Шаньцы бережно просушивал его волосы полотенцем.

Дождь не утихал. Пришлось готовить ужин из того, что было под рукой — сушёного мяса и пресных лепёшек. Разводить полноценную кухню на виду у незнакомцев Шаньцы не рискнул.

Лань уныло разглядывал свою порцию. Попытался откусить мясо — не вышло, оно было жёстким, как подошва. Пришлось размачивать его в горячей воде. Лепёшка и вовсе оказалась каменной.

Юноша переглянулся с Цзинь Юнем. Тот лишь сочувственно вздохнул.

Шаньцы пододвинул к нему чашку с кипятком. Юй Лань выглядел так, словно на него обрушилось всё небо.

— Хочу утку по-пекински, — жалобно протянул он.

— Потерпи ещё немного, скоро приедем, — мягко ответил Шаньцы.

Лань, надувшись, принялся размачивать лепёшку, а затем и вовсе стащил кусок мяса у супруга. Тот лишь усмехнулся и достал из сумки новый ломтик.

Весь вечер Чжэн Шаньцы оставался начеку. Присутствие чужих людей заставляло его быть осторожным. Мужчина от соседнего костра, видимо от скуки, решил завязать разговор:

— Куда путь держите, парень?

Тот изобразил горькую мину:

— Эх, разорилась наша семья. Едем вот к родственникам, на милость уповать. Сами видите, вещей много, да всё больше хлам для вида, чтобы перед дядей совсем уж нищими не казаться.

— А на вид вы люди справные.

Шаньцы замахал руками:

— Былое это... Теперь вот в приживалы идём. Одна надежда, что дядя не прогонит. В молодости я всё наследство в карты спустил, дурак был. Теперь вот каюсь, да поздно — ничего за душой не осталось.

Мужчина сочувственно кивнул:

— Азартные игры и впрямь губят людей.

Вскоре незнакомцы улеглись спать. Шаньцы подозвал Ван Фу и прошептал:

— Пусть люди дежурят по очереди. Эти типы доверия не внушают. Если полезут в тюки — пусть проверяют мои шмотки, но если сунутся к остальному — сразу поднимайте шум, будто проснулись.

Ван Фу похолодел, бросив взгляд на спящих у костра.

— Понял, господин.

Ночью предчувствия Чжэн Шаньцы оправдались. Один из незнакомцев попытался незаметно вскрыть их багаж, но Ван Фу, как и было велено, вовремя «проснулся» и спугнул вора.

— Да нет там ничего ценного, — зашептались разбойники у своего костра.

— Книг навалом, видать, этот книжный червь раньше учёным был.

— Ха! Учёный-игрок, вот умора!

— Зато супруг у него больно хорош... Жаль, дело у нас срочное, а то бы мы...

Они продолжали зубоскалить, не подозревая, что Шаньцы слышит каждое слово.

На рассвете, когда Шаньцы и Ланьи уже собрались уходить, их окликнул предводитель группы, пребывавший в полудрёме:

— Что же вы так рано, парень?

Тот на мгновение замер, сердце Ван Фу ушло в пятки.

— У моего супруга случился приступ, вчера под дождём занемог. Нужно скорее в город, к лекарю, — выпалил Шаньцы с искренней тревогой в голосе.

— Ишь ты, сам игрок, а о фулане печёшься. Ступай, не мешкай, а то болезнь — дело серьёзное.

— Благодарю. И вы берегите себя, погода нынче коварная.

Мужчина лишь отмахнулся и снова натянул одеяло. «Болтун этот книжный...»

Едва они сели в повозку, кучер сорвал коней с места.

— Ох и напугали вы меня, господин! — Ван Фу вытирал холодный пот.

— Погоняй скорее! Если он очнётся и сообразит — нам несдобровать.

— Да вроде складно всё сказали...

— Игрок никогда не меняется, — отрезал Шаньцы. — Если он просадил всё до нитки, ему на близких плевать. Главарь это скоро поймёт.

Он ещё вчера заметил, что эти люди — не простые путники. Уходить сразу в дождь было подозрительно, а оставаться — опасно. Всю ночь Чжэн Шаньцы не смыкал глаз, и лишь теперь, когда заброшенный храм остался далеко позади, смог вздохнуть спокойно.

Юй Ланьи всё ещё спал, даже не подозревая, от какой беды они ускользнули. Больше в пути они не задерживались, и вскоре перед ними показались ворота уезда Синьфэн.